

Урок литературы

КоммерсантЪ - 2005 - 30 апр. - с. 15

СЛОВЕСНОСТЬ

Условное разделение непрерывно текущего времени на годы дает основание заныться подведением промежуточных итогов. Люди практичные начинают с ревизии своих банковских счетов и анализа их динамики; еще более практичные — с улучшений (чаще ухудшений) в своих диагнозах и опять же анализах; а тщеславные идеалисты-трудоголики вспоминают профессиональные удачу и поражения, угорваривая себя в том, что баланс положительный. Писатель АЛЕКСАНДР КАБАКОВ сводит ежегодные счета с литературой.

Для всех, кто имеет отношение к составлению фраз из слов, абзацев из фраз и более или менее связанных историй из своих ярких впечатлений и смутных фантазий, 2005 год был, мне кажется, весьма поучительным. Но не потому, что читающая по-русски публика была ошарашена каким-нибудь безусловным шедевром, на глазах ситанувшим отсюда в вечность, — этого не было. Новизна же ситуации, сложившейся в отечественной изящной словесности за отчетный период, заключается, по-моему, вот в чем: занятие наше сочинительское сделалось окончательно свободным, предоставляющим профессионалам возможность любой модели поведения в соответствии с личными предпочтениями. Типа полный плюрализм.

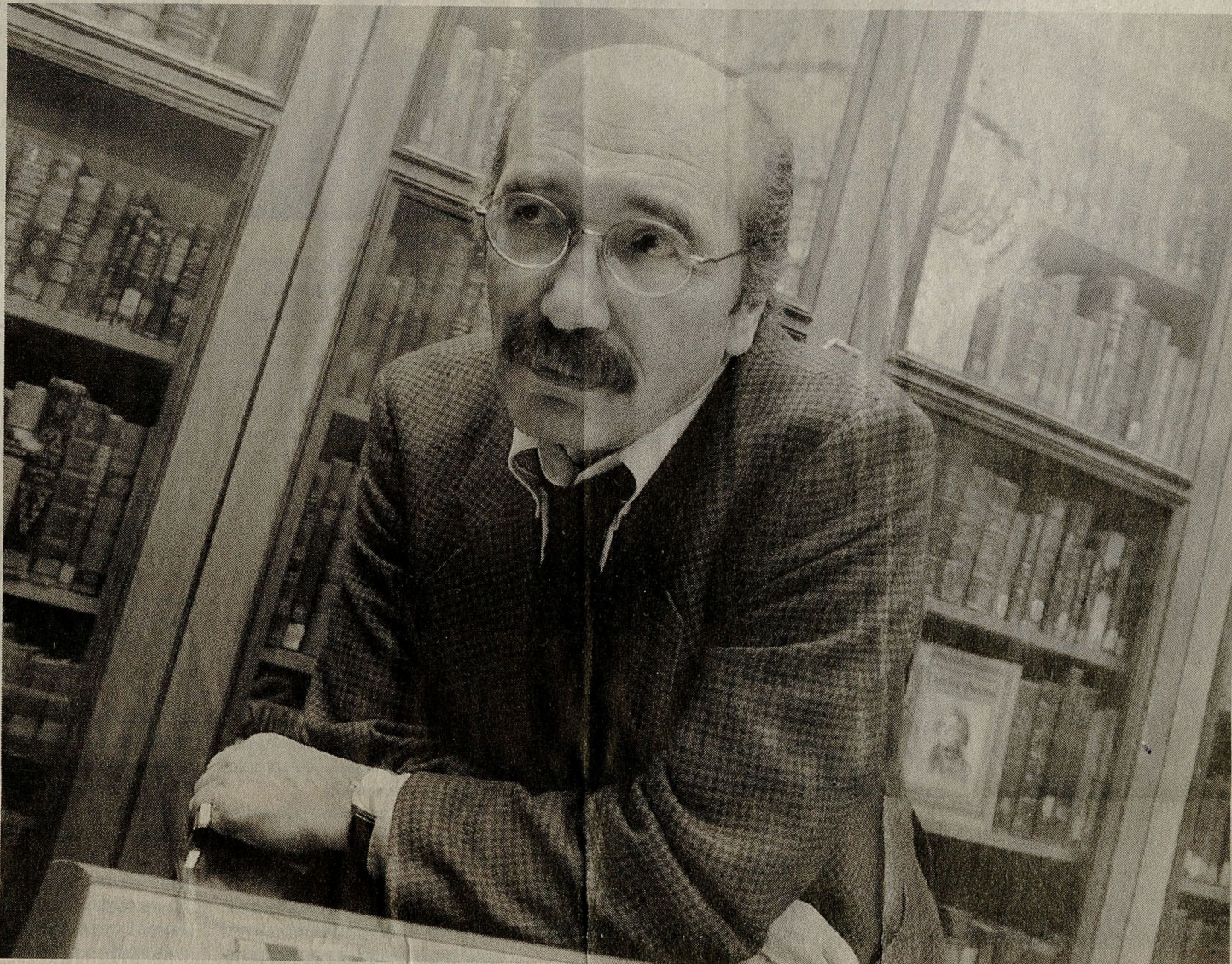
В сущности, литературная жизнь теперь построена в соответствии с моей давней утопической идеей организации всеобщего счастья. Состоит она вот в чем: каждый человек имеет право и даже должен жить так, как считает правильным. К примеру, коммунисты и другие тоскующие по СССР товарищи имеют право на очередь за колбасой по два двадцать, отдых в ведомственном пансионате с удобствами на этаже, запись в профкоме на автомобиль «Жигули» и поездку в Болгарию через выездную комиссию райкома. Господа безграничные либералы, в свою очередь, могут заправляться по мировым ценам на бензин, смотреть по всем телеканалам исключительно старые «Итоги», индивидуально вступать в Евросоюз и голосовать за Шендеровича на любых выборах. Истинно русские патриоты получают возможность самим работать на стройках, мести дворы и торговать на морозе, вытесняя таким образом тех, кто понаехал, а также гордиться ядерной мощью, поддерживая ее без помощи малых народов...

Увы, реальное сосуществование разных общественных устройств в одном времени и пространстве невозможно и есть лишь фантазия с претензией на причту.

А вот литературная наша действительность успешно осуществила этот идеал.

К примеру, долгое время многие писатели тосковали по навсегда вроде бы упешшему статусу государственных людей, привилегированных подопечных власти. Бросили нас, горько жаловались они, на произвол рыночной судьбы, раньше нас хоть в КГБ читали (почти цитата из одного художника слова), а теперь никому мы не нужны. Подразумевалось, таким образом, что обычным читателям никогда нужны и не были — и ладно, лишь бы начальство уважало. Отсутствие же начальственного уважения материально выразилось в исчезновении гонораров за массовые переиздания при нераспроданных первых изданиях, в запустении литфондовских домов творчества, в прекращении заграничных поездок по линии борьбы за мир и прогресс, в невозможности чреватых белой горячкой декад российской культуры в союзных республиках...

И — о, чудо! — все восстановилось в лишь слегка измененном виде. Гонорары, тоже, впрочем, понемногу подросшие, дополняются порядочными премиями, распределяемыми руководством опять вполне незави-



симо от читательского безответственного интереса. Бесконечные околелитературные тусовки неплохо заменяют прежние конгрессы и декады, тем более что теперь в них нередко соединяются прелести заграничной поездки и творческого застолья. Нынешняя «государыня», называемая президентской премией, по покупательной способности никак не меньше прежней Ленинской. Жизнь налаживается. И уже я сам, некоторое время назад смирившийся, что не достанется на мою долю всего этого, положенного советскому писателю, когда оно было положено, такую шпану к литературе на дух не подпускали, уже и я получил свое.

И руку мою, приспособленную к умеренно-вольному, слегка шкодливому изготовлению текстов, пожимал даже сказать боязно кто, и в зарубежных делегациях достойно представлял, и денежки какие-никакие... К слову, насчет денег — да не такие уж они маленькие, теперешние гонорары даже серьезные, то есть мало читаемых писателей! Ну, к примеру, в переводе на цену автомобиля. Раньше за приличный роман можно было, конечно, две «Волги» купить, а теперь максимум одну, зато тогда даже секретарь союза очереди на издание ждал минимум пару лет, а теперь при наличии хоть какого-нибудь имени через два месяца выходишь в твердом переплете. А если насчет иномарок, так кто тогда о них мечтал? Ну, Высоцкому жена подарила. А теперь один коллега вообще новенькую Audi купил — он, правда, в ранге Юлиана Семенова современности.

И при этом все прочие стратегии писательского поведения не только не наказуемы, но и вполне успешны, вот ведь свобода до чего дошла!

Допустим, автор не желает и не умеет ходить на столбовой дороге российской литературы (теперь по-русски называется «мейнстрим»), а склонен к деконструкции путем употребления неприличных слов и описания ужасных человеческих проявлений — в общем, к постмодернизму, чтобы

не сказать хуже. К тому же практикует не то буддизм, не то и вовсе зороастризм. И что же? А ничего. Имеет свой весьма приличный, классики позавидуют, кусок популярности. Гостит подолгу у дружественных славыстов всего мира. Издается — дай бог всем так издаваться. Вдруг оказывается представлен на подмостках оперы и балета, как все равно Мериме какой-нибудь. И буквально ничего ему за это! Ну разве что какие-нибудь бронеподводки, защитники нравственно-комсомольских ценностей, книжку изорвут и в отхожее место кинут — так это даже на пользу тиражам.

Или возьмем вечно обиженных крестьянских заботников, по сей день числящих себя среди раскулаченных и старательно распространяющих плодородно-почвенный дух. Уж, казалось бы, вот кто пострадал от либерализма проклятого, от чистогана жидовинско-бусурманского! Но нет, и они оклемались, вполне существуют и даже за свои деньги весной приезжали в Париж, на ярмарку российской беллетристики. Всех остальных-то за казенные свозили, и это народным реалистам, конечно, было обидно. Но ведь если они за свои приезжали, так, значит, эти свои им кто-то дал! Не пропали наши певцы березовой красоты, любому творческому подвигу есть теперь место в жизни.

Ну кто еще? Энергичные дамы, оседлавшие детективно-любовно-галантерейный жанр с ловкостью прирожденных наездниц? Конечно, в литературном свете на них поглядывают пренебрежительно, но зато «по жизни они в полном шоколаде» (своими ушами слышал от одного мастера слова): гонорары их соизмеримы с годовыми зарплатами нефтегазовых топ-менеджеров.

И остро критический реализм процветает под перьями писателей-революционеров. В застенках режима пишут по примеру литератора Ленина, и тюремные книжки выходят беспрепятственно, причем сразу в качестве национального бестселлера, еще до начала продаж.

И молодежь никто не затирает, напротив, в лучших традициях всесоюзных совещаний поддерживают молодых писателей семинарами и поощрительными наградами, дают путевку в жизнь.

И очевидным чайником, неизлечимым графоманом, которым прежде внутренние издательские рецензенты советовали больше читать классиков, работать над словом и изучать современность, теперь открыта дорога — в безразмерную сеть. Да, глядишь, найдется спонсор с соответствующим вкусом, и выйдет брошюрка «за счет автора». Прилавки все вмещат, книжные супермаркеты уже больше продуктовых.

А еще идут сплошным потоком книги журналистов (ну, сам бог велел), депутатов, актеров, народных целителей, телеведущих, демократов, светских девушек, политологов и других достойных граждан. Любого идейно-политического направления и художественного достоинства, вплоть до полного отсутствия того и другого.

Только не надо всю эту иронию считать осуждением. Ответственно заявляю: нынешнюю ситуацию расцениваю как сугубо нормальную для нашей литературно озабоченной страны. Поэт у нас должен быть больше, чем поэт, иначе он сразу чувствует себя меньше инфузории, жестоко обижается и принимается страдать так громко, что заглушает все другие общественные звуки.

Итак, вот урок, который дает литература прочим областям человеческой деятельности в нашей стране: всем возможно сосуществовать в одном времени и в одном месте. Нет нужды вырывать друг из-под друга стулья и перекрывать кислород конкурентам. Не знаю, как со свободой какого другого слова, но свободу книжного никто пока не тронул. Живем как хотим.

Впрочем, взгляд это сугубо личный: в заканчивающемся году вышли у меня две книги, получил я два симпатичных литературных приза и теперь благодушно оглядываю реальность.

Кабаков Александр
(миссакет)

30.12.05

201